

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА РЮРИКОВА ГОРОДИЩА И НОВГОРОДА

А. В. ПЛОХОВ¹

Керамика как одна из категорий археологического материала является источником разнообразной информации о прошлом, в том числе и об этнокультурных контактах древнего населения. Особенно важные данные для изучения последних представляет лепная посуда. Наблюдения этнографов показывают, что у народов Восточной Европы подобная керамика являлась продуктом домашнего или ремесленного на заказ производства и использовалась преимущественно в пределах поселка, в котором изготавливалась. Обычно между гончарами и потребителями их продукции существовали родственные связи, или они относились к одной и той же этнической группе (Бобринский 1978: 26—34).

К настоящему времени в Северном Приильменье известно около 30 поселений, имеющих культурные отложения последних веков I тыс. н. э. На некоторых из них были проведены стационарные археологические исследования. Наиболее крупные коллекции материалов, относящихся к первым векам русской истории, были получены в результате многолетних раскопок столицы Северной Руси — Новгорода и изучения расположенного в двух км к югу от него древнейшего и наиболее значительного торгово-ремесленного и военно-административного центра Приильменья — Рюрикова городища.

Самой массовой категорией археологических находок, происходящих из поселений конца I тыс. н. э. Северного Приильменья, как и отложений других памятников раннего средневековья, является глиняная посуда. Важное место в образовавшихся коллекциях керамического материала занимают фрагменты лепных сосудов. Наибольшее число последних происходит с Рюрикова городища. Обломки сделанных от руки сосудов происходят из десятков углубленных в материк комплексов центральной, высокой части этого памятника. В заполнении значительного числа из них, датированном второй половиной IX—началом X в., найдена исключительно лепная посуда. Только такая керамика встречена и в древнейших отложениях мысовой части городища, от-

носящихся к последним десятилетиям IX в. (Носов 1990: 149). Судя по материалам, полученным при раскопках Старой Ладogi и Рюрикова городища, появление гончарной посуды на памятниках Северной Руси относится к первой трети X в., причем ранние ее типы встречены только в древностях этих крупных торгово-ремесленных центров. На рядовых поселениях круговая посуда появляется позже. Данные, полученные при исследовании Рюрикова городища, свидетельствуют о том, что во второй половине X в., с развитием гончарного производства, круговая керамика на этом поселении практически полностью вытесняет лепную.

В Новгороде сделанная от руки посуда встречена до настоящего времени только при раскопках древнейших частей Неревского и Людиного концов города. Исследования показали, что круговая посуда господствует уже в самых ранних напластованиях этого поселения, относимых исследователями к середине X в. К концу этого столетия лепная посуда, в небольшом количестве используемая жителями Новгорода, окончательно выходит из обихода (Смирнова 1976: 9,10; табл. 2; Гайдуков, Малыгин 1990: 65).

Вдали от ремесленных центров и крупных торговых путей лепная посуда перестает использоваться несколько позднее. В некоторых частях Новгородской земли сделанные от руки горшки нередко встречаются в погребениях XI в.

К сожалению, до настоящего времени практически отсутствуют специальные исследования, посвященные технико-технологическим аспектам как лепной так и гончарной керамики северо-запада России. Визуальное изучение обломков лепных сосудов Рюрикова городища и Новгорода показывает, что посуда была изготовлена, в основном, из глины с добавлением в формовочную массу значительного количества искусственно дробленного камня, так называемой дресвы. В качестве источника последней, по-видимому, использовались пережженные валуны из разобранных печей-каменок — основного отопительного устройства в домах средне-

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

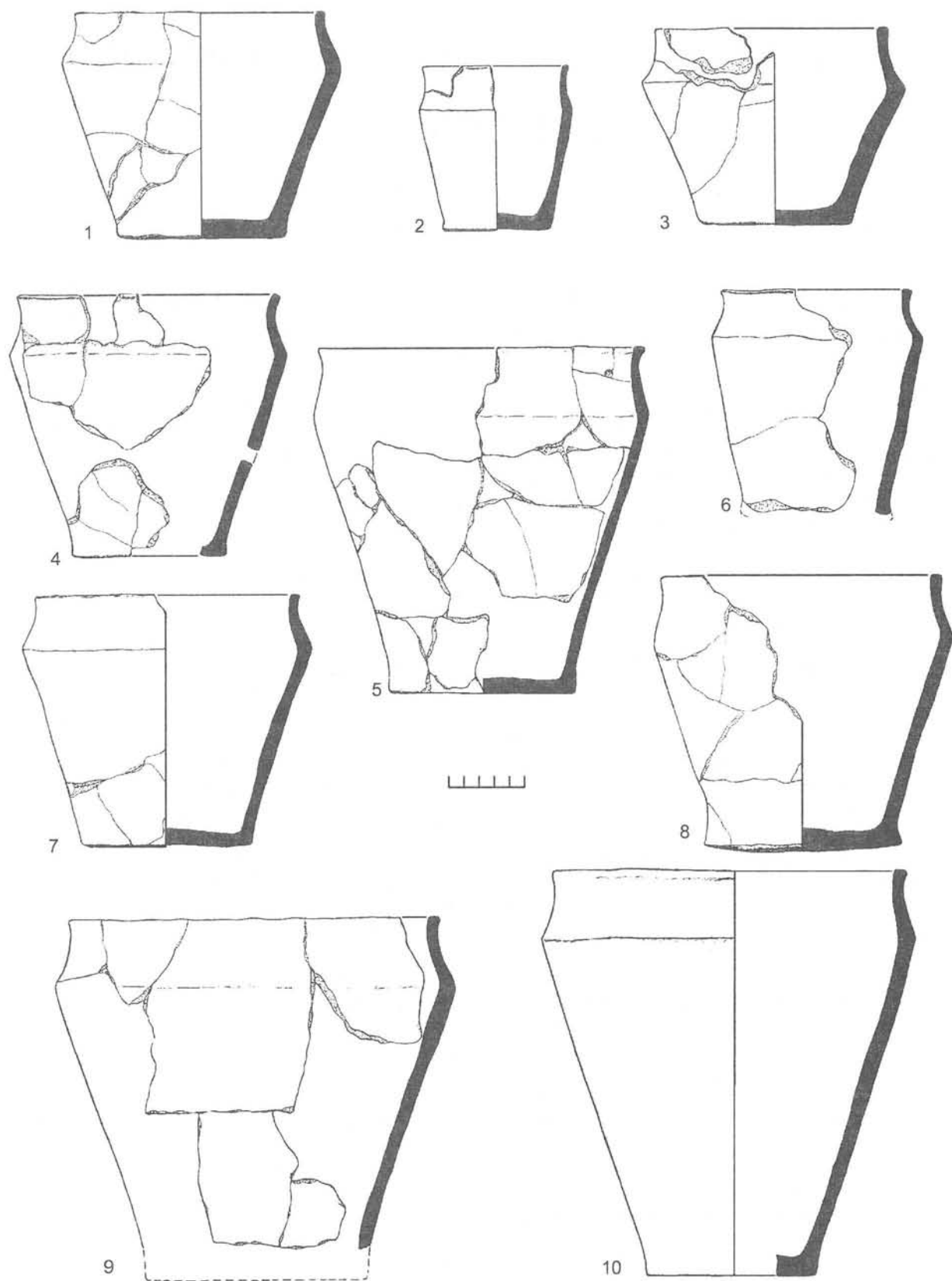
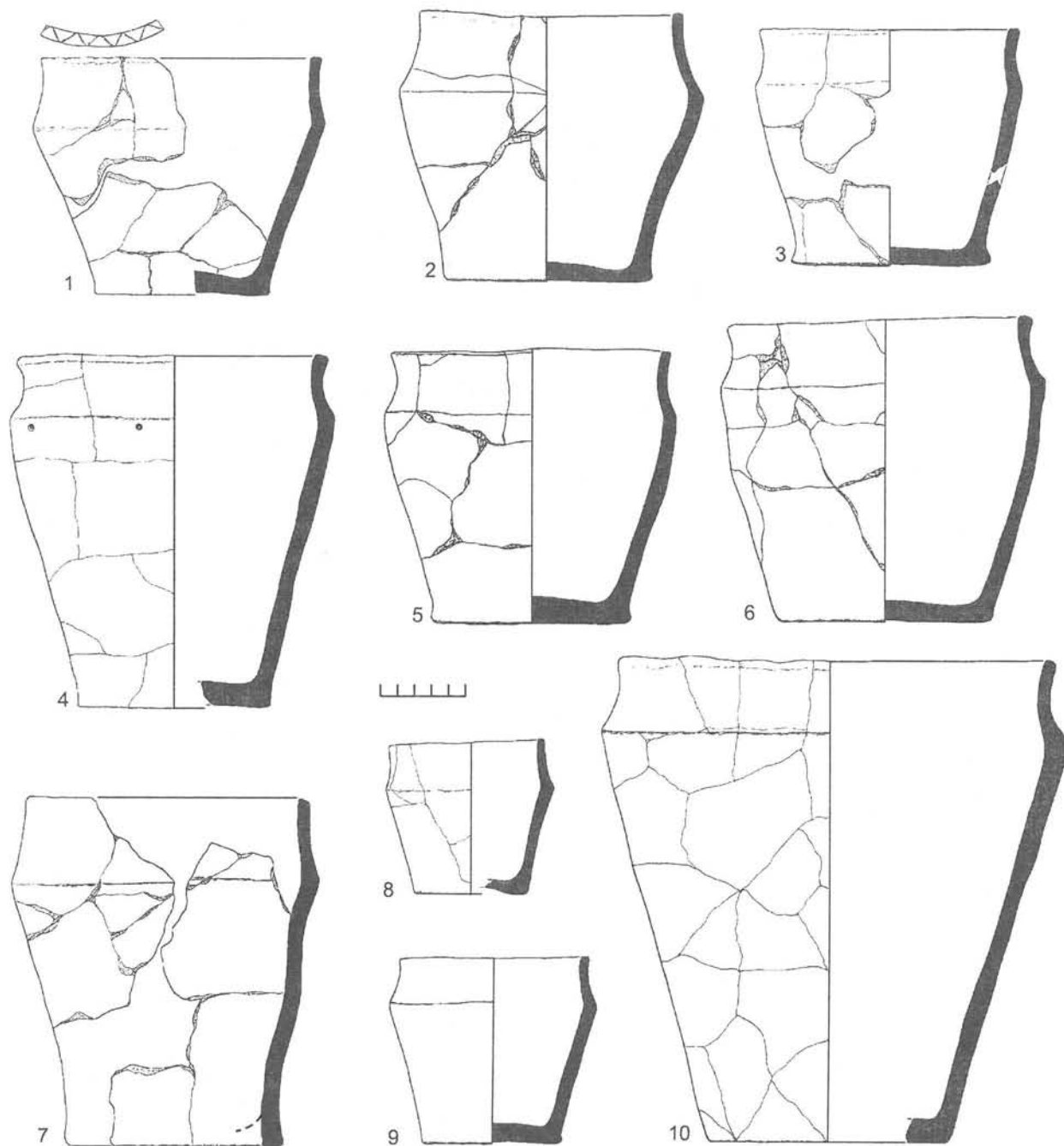

Рис. 1, 2. Рюриково городище. Лепная керамика «ладожского типа».

Fig. 1, 2. Ryrik Gorodishche. Handmade pottery of the «Ladoga type».

векового населения Приильменя. Сосуды лепились кольцевым способом из нескольких полос глины шириной 4—5 см. Венчики уплощены, реже округлы, иногда наблюдается небольшое их утолщение с внешней стороны. Толщина стенок в большинстве случаев — 0,7—1 см. Днища плоские, поверхность их, в основном, ровная. Часто на дне наблюдается подсыпка мелкой дресвы или песка. Толщина днищ 0,8—1,5 см, причем у многих из них она больше в центре, чем у стенок. На поверхности посуды видны следы заглаживания, обычно горизонтальные по шейке и плечу и вертикальные по нижней части тулова. Несмотря на эту обработку, поверхность большинства сосудов шероховатая, а иногда бугристая от выпирающих

зерен отошителя. Цвет керамики темно-серый или коричневый. На многих фрагментах внутри и снаружи отмечается копоть и нагар.

Орнаментация не характерна для лепной керамики поселений верхнего Поволжья. Так на Рюриковом городище декорировано около 6,5% целых и частично реконструируемых сосудов. Это значительно меньше, чем на памятниках районов, расположенных восточнее Поволжья, таких как регион Белого озера (Белоозеро — 53,9%, Крутик — 49,6%) и памятниках Мстинско-Моложского междуречья (13—34%), но намного больше, чем в древностях Пскова, Изборска, Камно, Городка на Ловати, где встречены единичные экземпляры орнаментированной керамики.

Керамика Рюрикова городища, как и других памятников Приильменя, украшена только рельефным орнаментом. Прослежены следующие способы украшения сосудов: отпечатки веревочки, намотанной на палочку (рис. 4: 9, 12), пальцевые (рис. 4: 13, 14, 16, 17; 5: 6, 13) и ногтевые вдавления (рис. 4: 1), горизонтальный желобок (каннелюр) (рис. 4: 10), валик (рис. 4: 23, 24, 26), насечки (рис. 2: 1; 4: 7), отпечатки гребенчатого (рис. 4: 15) и фигурного штампов, вдавления округлой и уплощенной палочкой (рис. 5: 3), а также прочерченный орнамент (рис. 3: 2). На посуде из Новгорода встречены также кольцевидные вдавления, нанесенные торцом полой трубочки (рис. 5: 10). Основная масса узоров состоит из отдельных отпечатков, оставленных штампами. В качестве последних гончары использовали или специально подготовленный инструмент, или пользовались любыми подручными средствами. Существенно меньше представлены орнаменты, исполненные в технике резьбы или прочерчивания, которые наносились на поверхность сосуда ножом, острой палочкой, либо зубчатым штампом.

Наиболее часто в орнаментальном наборе Рюрикова городища встречаются пальцевые (32,1%) и ногтевые (13,9%) вдавления, а также отпечатки веревочки, намотанной на палочку (24,8%). Довольно существенная часть керамики памятника украшена прочерченным орнаментом (8,0%), короткими насечками (6,6%) и каннелюрами (6,6%). Доля остальных элементов невелика. Так, отпечатки гребенчатого штампа представлены только на фрагментах двух сосудов из культурного слоя центральной части Рюрикова городища, хотя подобный элемент орнамента украшает многие раннегончарные сосуды этого памятника.

Подавляющая часть встреченных на Рюриковом городище элементов орнамента очень просты и довольно широко распространены в конце I тыс. н. э. на просторах Восточной Европы, хотя на разных памятниках и в разных регионах они представлены в различных соотношениях.

Существенные отличия бросаются в глаза даже при сравнении процентных соотношений различных элементов в орнаментальных наборах Рюрикова городища и Старой Ладogi, что, по всей видимости, можно объяснить некоторым различием в направлении внешних связей населения Верхнего и Нижнего Поволжья. Керамика Ладogi имеет определенную близость в орнаментальном наборе посуде Белозерья. В то время как орнаментации посуды Рюрикова городища в значительной мере ближе декор керамики бассейна Верхней и Средней Мологи и Верховьев Мсты. В этом регионе господствующим элементом орнамента являются пальцевые вдавления. Широко

распространены здесь и отпечатки веревочки, намотанной на палочку.

Практически все узоры, украшающие посуду городища, имеют четкое ярусное строение. Различные элементы образуют орнаментальные пояса, занимающие определенные части поверхности сосудов. На керамике Рюрикова городища выделяются две основные орнаментальные зоны: венчик и область наибольшего расширения сосуда, включающая плечико и верх придонной части. Основной орнаментальной зоной является район наибольшего расширения тулова. Около двух третей образцов орнаментированной керамики имеют узор только в этой части сосуда. Значительно меньше имеется сосудов, декорированных только по венчику (6,4%). Почти четверть керамики имеет орнамент как по тулову, так и по венчику.

Картина, наблюдаемая в расположении орнамента на сосудах Рюрикова городища, имеет значительное сходство с ситуацией в керамическом комплексе Ладogi и Белозерья, в отличие от соотношений в материалах более южных территорий Восточной Европы.

Как правило, на одном сосуде употребляется один элемент орнамента, составляющий орнаментальную композицию в виде одноярусных поясков. Большинство узоров, встреченных на посуде Рюрикова городища, являются очень простыми и, может быть поэтому, некоторые из них имеют очень широкое распространение в древностях конца I тыс. н. э. Восточной Европы. Однако на разных памятниках и в отдельных регионах для их построения использовались различные элементы, что позволяет использовать такие композиции для изучения культурных связей широких территорий.

Так например, наиболее широко представленной композицией Рюрикова городища является орнамент, образованный простым повторением элементов или мотивов, которые расположены в один ярус на уровне наибольшего расширения сосуда. Аналогии этому узору можно найти на многих памятниках лесной зоны Восточной Европы. Однако, ряды пальцевых вдавлений, составляющих основную долю среди орнаментов этого вида Рюрикова городища (рис. 4: 13, 14, 16, 17), не отмечены на сосудах Старой Ладogi. Редки они и на поселениях Белозерья. В то же время ряд из пальцевых вдавлений в месте наибольшего расширения тулова является самым распространенным орнаментом на памятниках конца I—начала II тыс. н. э. в бассейне Мологи и Верховьев Мсты.

Наряду с орнаментами, имеющими широкое распространение в керамике Рюрикова городища, выделяется ряд композиций, представленных немногочисленными образцами, основные аналогии которым происходят из Белозерского и Камско-Вычегодского краев.

Таким образом, анализ элементов орнамента, использования орнаментальных зон, орнаментальных композиций на лепной керамике Рюрикова городища с достаточной определенностью указывает на существование тесных контактов его жителей с территориями, лежащими к востоку от центрального Приильменя, которые были в то время заселены финно-угорскими племенами. В первую очередь, керамический декор свидетельствует о тесной связи населения верхнего Поволжья с обитателями бассейна Мологи и верхней Мсты. Данный факт, в значительной мере, объясняется нахождением этого региона на одном из маршрутов Волжского торгового пути, соединяющего страны севера Европы с государствами исламского мира, а также включением Мстинско-Моложского междуречья в культурно-исторические процессы, центром которых являлось верхнее Поволжье, закончившиеся сложением Новгородской земли.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что больше половины черепков, украшенных пальцевыми вдавлениями, было встречено на мысовой части поселения на южном берегу Сиверсова канала. Концентрация керамики с определенным способом орнаментации на отдельном участке поселения отражает какие-то локальные особенности и традиции в лепке посуды отдельными гончарами. Любопытным фактом является находка в этой части поселения двух зооморфных односторонних гребней с резной спинкой, традиционно относящихся к финно-угорским древностям.

Особенностью керамического набора Рюрикова городища и Новгорода, как и других поселений Приильменя, является то, что ведущую роль в нем играют грубые кухонные горшки, в то время как остальные формы сосудов немногочисленны (мискообразные — рис. 4: 1—5 — и миниатюрные сосуды: рис. 4: 6, 7) или представлены единичными экземплярами (миски — рис. 4: 23—27; кувшины и сковородки — рис. 4: 18, 19). Сложение такого комплекта керамических изделий, прежде всего, связано с использованием населением Северной Руси для приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол, для различных хозяйственных надобностей, большого количества разнообразной посуды, сделанной из дерева (Колчин 1968: 24—50), а также спецификой приготовления пищи в печах. Следует отметить, что по структуре керамического комплекса памятники Приильменя несколько отличаются от синхронных им материалов Скандинавии, Финляндии и Эстонии, но близки славянским древностям.

Основная масса горшков, найденных на памятниках Северной Руси конца I тыс. н. э., представляет собой профилированные сосуды с наибольшим расширением тулова в верхней

половине своей высоты. Друг от друга они отличаются пропорциями и особенностями профилировки отдельных частей, а также наличием и характером орнаментации. Каждый регион имеет определенное своеобразие в наборе форм горшков, хотя часто близкие по внешнему виду сосуды изготавливались населением различных территорий.

Большинство горшков Рюрикова городища имеет средние размеры: диаметр по венчику — 12—24 см, диаметр днищ 8—14 см. По характеру профилировки верхней части их можно разделить на несколько видов. Преобладает среди сосудов этого поселения группа, которая объединяет посуду с четко выраженным изломом, часто ребром, расположенным на месте перехода от плечика к конически сужающейся нижней части тулова. Наибольшее расширение сосуда приходится на верхнюю треть или четверть высоты. Верхняя часть горшков имеет, в основном, высоту 4—5 см и обычно несколько меньшую, чем стенки толщину. Отдельные экземпляры, различаясь некоторыми элементами, сохраняют общие объединяющие признаки (рис. 1; 2; 3: 1—3).

В российской археологической литературе, начиная с 1970-х годов, за сосудами с резким переломом профиля закрепилось понятие «керамика ладожского типа». Основанием для его появления явились работы Я. В. Станкевич, в которых наиболее распространенной в нижнем горизонте Старой Ладogi называлась «биконическая форма сосудов с резким переломом профиля» (Станкевич 1950; 1951).

«Ребристые» сосуды изготавливались с момента возникновения старолдожского поселения, то есть с середины VIII в. По мнению О. И. Давидан, такая посуда составляет около половины всей керамики древнейшего пласта культурного слоя Ладожского городища (Давидан 1994: 165).

Горшки «ладожского типа» встречены от Швеции до Ярославского Поволжья, однако они не одинаково представлены в древностях различных регионов.

Керамика этой группы составляет большую часть керамического набора (от 40 до 50%) поселений Верхнего Поволжья и Поозерья — Холопий городок (Носов, Плохов 1997: 137, 138), Прость (Орлов 1972: рис. 3; 5), Георгий (Орлов, Аксенов 1961: 163), Васильевское. Именно ее наличие определяет своеобразие коллекции сосудов этих памятников.

Кроме Старой Ладogi «ребристые» сосуды широко представлены на ряде других поселений Нижнего Поволжья — Новые Дубовики (Носов 1976: 77, рис. 1: 2—4, 6, 7), Горчаковщина (Петренко, Шитова 1985: рис. 3), а также ряде памятников бассейнов рек Мсты — Золотое Колено (Носов, Плохов 1991: 128), Нестеровичи (Конечкий 1991: 102, рис. 7) и

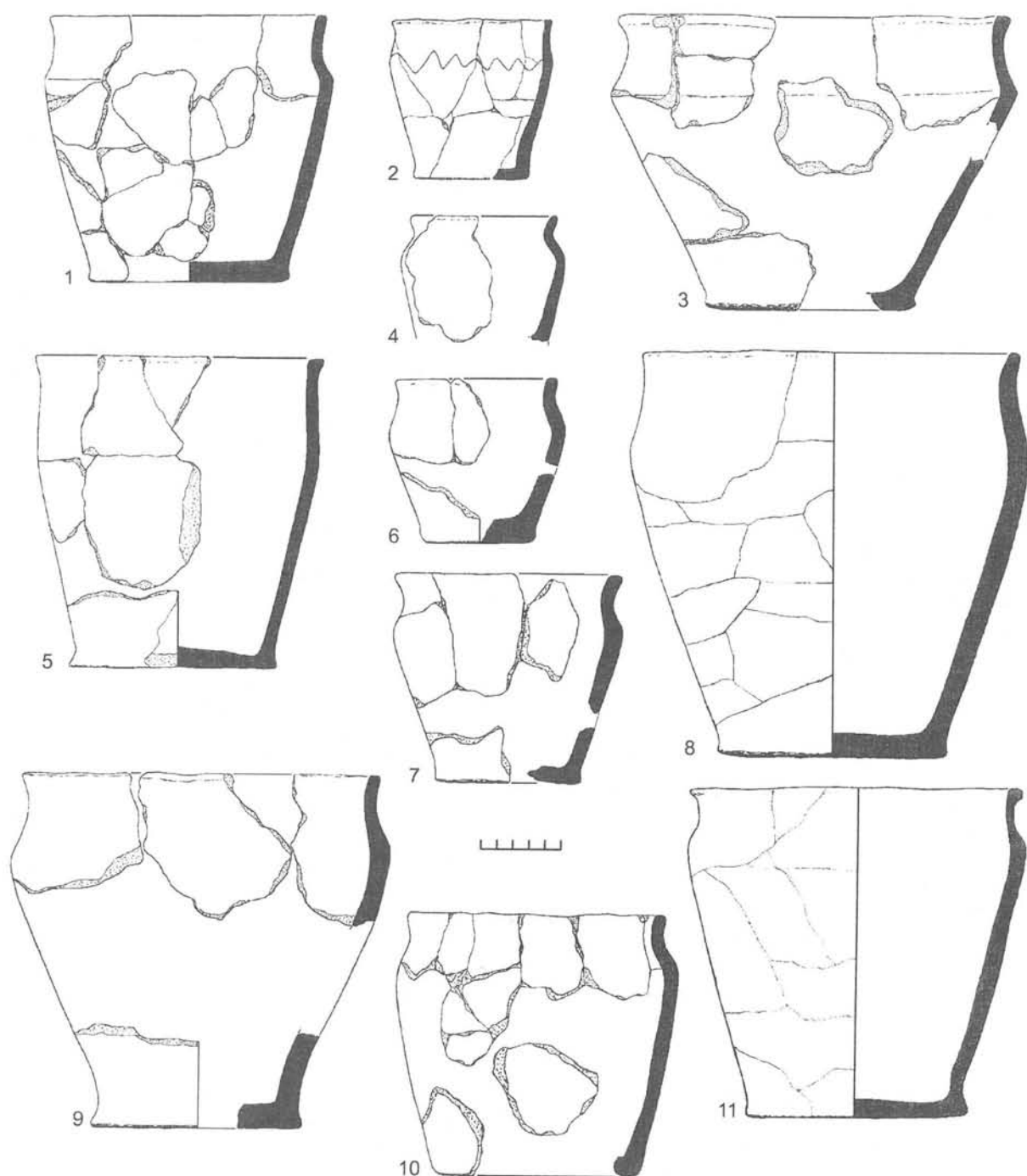

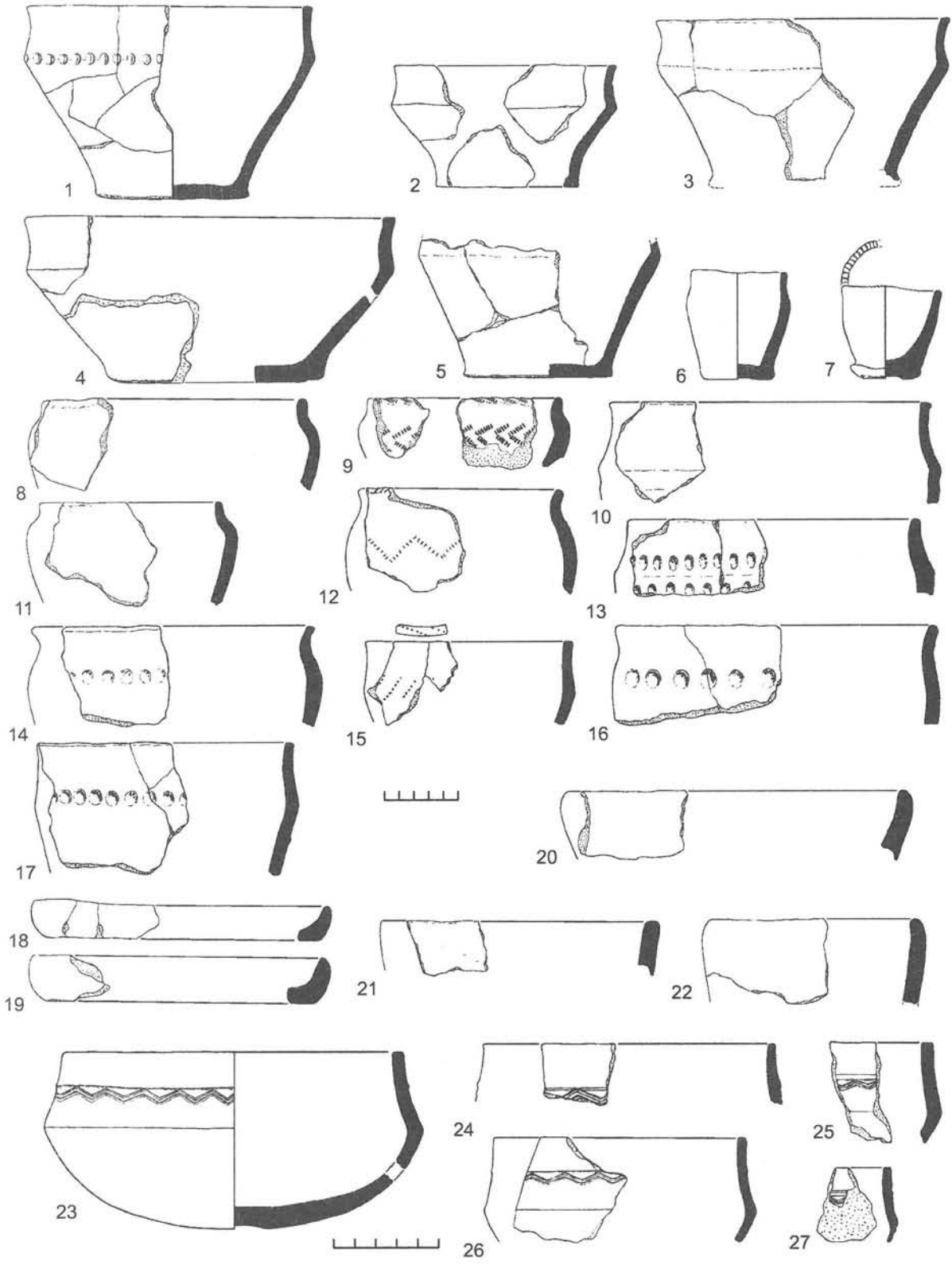
Рис. 3, 4. Рюриково городище. Лепная посуда.

Fig. 3, 4. Ryrik Gorodishche. Handmade pottery.

Шелони — Городок. В целом, наличие подобной посуды является отличительной чертой для района Поволжья и Северного Приильменья, а также нескольких поселений на реках, с запада и востока впадающих в озеро Ильмень.

Совсем другая картина наблюдается при обращении к материалам соседних территорий. На исследованных памятниках Южного Приильменья — Городок на Ловати (Горюнова 1991: 43), Губинская Лука (Конечский 1992: 19), Сельцо, Княжая Гора, сосуды «ладожско-

го типа» отсутствуют или немногочисленны. В небольшом числе «ребристая» посуда встречается в коллекциях памятников конца I тыс. н. э. бассейнов р. Луги — Курская Гора и р. Плюсы — Которск. К редким формам относятся горшки с «ребром», происходящие из древнейших слоев Пскова (Белецкий 1983: 52, 62—64, рис. 7: 3, 5) и ряда поселений в его окрестностях. Немногочисленны сосуды с «ребристыми очертаниями плечиков» в курганных могильниках, которые расположены на реках, впадающих с юго-востока в Ладожское

озеро. А. М. Спиридонов отмечает только 4 таких сосуда (тип II, вид А) среди 54 пригодных для типологической обработки (Спиридонов 1986: 25, 26, рис. 1: 12, 13). Среди лепной керамики памятников Восточного Прионежья Н. А. Макаров выделяет тип III, объединяющий горшки «стройных пропорций» с резким перегибом профиля, «иногда оформленным в виде ребра», составляющий 6,82% керамической коллекции региона (Макаров 1989: 84, 85, 88—90). Несколько большее количество «ребристых» горшков встречено на некоторых поселениях конца I тыс. н. э. Мстинско-Моложского междуречья. На части из них эти сосуды составляют 17—25% (Иловец 2, Бежицы, Бережок), тогда как на других (Узмень, Курово 2, Иловец 1) они единичны (Исланова 1991: 47, 49, 50, рис. 1: 6—9). На поселениях Верхней Волги фрагменты горшков с «ребром» редки. Немногочисленны подобные сосуды и в материалах Ярославского Поволжья (Седых 1982: 194, рис. 49: 15). Единичные «реберчатые» сосуды найдены на памятниках Верхнего Поднепровья — Гнездово, курган около Вязавеньки под Смоленском (Каменецкая 1998: 128, 129, рис. 3: 1; 4: 3; Ляданскі 1930: 300, табл. VII: 5, 9).

После выхода в свет фундаментального труда Dagmar Selling по керамике Швеции эпохи викингов и раннего средневековья (Selling 1955) некоторые российские исследователи отметили близость ряда опубликованных сосудов горшкам «ладожского типа». Все эти сосуды были отнесены Дагмар Селлинг к группе AIV, состоящей из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства. Изучение керамических коллекций, которые я смог осуществить в Национальном музее древностей в Стокгольме, показало, что из погребальных сооружений Швеции происходит всего двенадцать сосудов, которые по профилировке, формовочной массе, фактуре можно сопоставить с посудой Поволжья. Это одиннадцать горшков и один мискообразный сосуд. Большая часть из них (одиннадцать) найдена в огромном некрополе Бирки, который расположен на острове Бьерко оз. Меларен в Средней Швеции. Это сосуды из десяти могил: 2, 11с, 42, 103, 123, 131, 381, 533, 779, и 894с. Двенадцатый горшок найден в курганном могильнике на соседнем с Биркой острове Адельсё. Все погребения, где были встречены отмеченные сосуды, совершены по обряду трупопожжения (урновые и безурновые) и датируются IX—X вв. Фрагменты пяти горшков, близких керамике «ладожского типа» происходят с самого поселения Бирки, так называемой «Черной земли» — мощного культурного слоя внутри городского вала.

Четыре сосуда близкие посуде Северного Приильменья и Поволжья имеются в древ-

ностях эпохи викингов Аландских островов. Они происходят из могильников Йоханисберг, Кнёсбускарна, Вестенргордс Сёдерокер и Лоненгсбаккен, которые расположены в разных частях о.Аланд. Следует упомянуть, что в кургане 3 могильника Вестенргордс Сёдерокер кроме горшка «ладожского типа», заклепок, гребня, бубенчика и глиняной лапы, была также найдена костяная копоушка — предмет характерный для древностей поволжских и прикамских финнов.

Необходимо отметить, что «ребристые» сосуды не являются характерным типом посуды Скандинавии и, по имеющимся данным, появляются здесь значительно позднее, чем в Старой Ладоге. Важным представляется и то, что сосуды, имеющие аналогии в материалах Поволжья, найдены исключительно в Бирке, старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, и его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Северную Европу и Русь. Рассматривая вопрос о том, какая область Скандинавии наиболее тесно связана с Восточной Европой, ученые, на основании многочисленных археологических материалов, полагают, что таким местом, особенно для раннего и среднего периода эпохи викингов, является Средняя Швеция и Аландские острова. Наличие в этом регионе Скандинавии сосудов, характерных для древностей Поволжья, является еще одним проявлением интенсивных контактов викингов с Новгородской землей. Конечно, примитивная кухонная посуда не была предметом торговли, а из-за не очень большой прочности и не могла перевозиться на большое расстояние. Поэтому, хотя и нельзя полностью отрицать возможность таких перевозок, скорее всего, эта посуда была изготовлена на месте людьми, приехавшими из Руси.

Таким образом, «ребристые» сосуды составляют значительную часть керамического набора памятников Поволжья и северной части Приильменья, что отличает их от древностей последней четверти I тыс. н. э. других территорий, где появление подобной посуды исследователи обычно объясняют тесными контактами с центром Новгородской земли или притоком нового населения (Спиридонов 1986: 26; Исланова 1991: 54). За значительным количественным отличием в представительности «ребристых» горшков на разных памятниках стоит, очевидно, качественное отличие в керамических традициях регионов. Появившись в середине VIII в. в Северном Поволжье, традиция изготовления сосудов с резким перегибом тулова к концу X—нач. XI в. охватывает значительную территорию Северной Руси, прекращая существование с распространением гончарного круга.

Следует отметить взаимосвязь «керамики ладожского типа» с высокими погребальными насыпями — сопками, которые являются самым распространенным в Поволховье и Приильменье типом погребальных сооружений, хотя подобная посуда встречена и в могильниках иных типов у Старой Ладogi — в урочище Плакун (Назаренко 1985: рис. 7: 4, 6) и у Успенского монастыря (Орлов 1956: 97, рис. 30: 1, 4). Наряду с посудой других форм, «ребристые» горшки представлены в погребениях, совершенных в целом ряде высоких насыпей близ Старой Ладogi (Петренко 1994: 71, рис. 29: 3, 4; Кузьмин 1994: рис. 1 — 17—19), у пос. Деревеницы и деревни Нередица под Новгородом, у деревни Золотое Колоно (Носов, Плохов 1991: 128, рис. 2: 7, 8), деревни Заручевье, в окрестностях поселка Любытино в бассейне р. Мсты, а также в ряде сопек бассейна Мологи (Исланова 1986: рис. 3 — 1, 4, 6, 7, 9, 10). Следует отметить, что горшки с выраженным «ребром» составляют значительную часть погребальных урн из памятников в окрестностях пос. Любытино (Конецкий, Носов 1995: 48. Рис. 4). Некоторое различие, прослеживаемое в распространении сосудов «ладожского типа» и сопек, вполне объясняется разницей функционирования в культуре керамических традиций, связанных с женской субкультурой, и таких сложных сакрально-погребальных памятников, как сопки.

Северное Приильменье является наиболее древней территорией размещения словен новгородских, откуда происходило их дальнейшее расселение. Поэтому горшки «ладожского типа», являющиеся основной формой керамики на памятниках этого региона, многие исследователи считают характерной для словен посуды.

Для понимания культурно-исторических процессов на Северо-Западе России в последней четверти I тыс. н. э. важным является решение проблемы происхождения «ребристой» посуды в Поволховье. В настоящее время среди исследователей имеются различные взгляды на генезис керамики «ладожского типа». Некоторые ученые склонны видеть истоки такой посуды в древностях Восточной Европы предшествующего периода (Исланова 1997: 63; Lang 1991: 57). Другие исследователи отмечают сходство между керамикой центра Новгородской земли и сосудами второй половины I тыс. н. э. из западнославянских земель южного побережья Балтийского моря и северной части бассейнов рек Эльбы и Одера (Смирнова 1978: 167; Седов 1970: 24, 26; Седов 1982: 64; Носов 1990: 164). Несмотря на различия в способе изготовления (в Поволховье «ребристая» керамика является лепной, а в западнославянских древностях сосуды частично обточены на гончарном круге) и орнамента-

ции горшков (Losinski, Rogosz 1986: 32, 33; Рyc. 4; Schuldt 1956: 9—16), сходство одновременных керамических комплексов данных районов несомненно и требует объяснений. Известный российский археолог В. В. Седов предположил, что керамика ильменских словен и глиняная посуда балтийских славян имела одну основу, и не исключено, что эти отдаленные территориальные группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства (Седов 1982: 64). Это мнение не было в дальнейшем им обосновано. Не все ученые согласны с таким решением проблемы происхождения сосудов «ладожского типа». Безусловно, что она нуждается в дальнейших исследованиях, в том числе и полевых. Важные для изучения древней культуры населения Новгородской земли материалы были получены в результате раскопок нашей экспедицией поселения Прость, которое расположено у истока р. Волхов. В частности, они показали, что «ребристые» сосуды не характерны для древностей третьей четверти I тыс. н. э. центрального Приильменья.

Кроме горшков «ладожского типа» в керамических коллекциях поселений Северного Приильменья представлены различные профилированные сосуды с наибольшим расширением в верхней части тулова и немногочисленные баночные сосуды. Среди этой посуды можно выделить небольшое количество фрагментов от горшков с хорошо выраженным плечиком и небольшой прямой или отогнутой наружу шейкой, происходящих с Рюрикова городища. Некоторые из них украшены отпечатками веревочки (рис. 4: 8, 9, 11, 12). Подобные сосуды имеют многочисленные аналогии в керамических материалах поселений и погребальных сооружений верховьев р. Волги, р. Западной Двины и р. Днепра (Енуков 1990: 221, 223, 231; Пушкина 1973: 89, 90). Наличие обломков таких сосудов на Рюриковом городище свидетельствует о связях Верхнего Поволховья с этим регионом, что находит подтверждение и в других материалах.

О связях Городища с более южными территориями говорят и найденные на нем части двух глиняных сковородок. Они представляют собой плоские диски диаметром около 20 см с небольшими немного отогнутыми наружу бортиками (рис. 4: 18, 19). Сковородки на синхронных памятниках Северо-Запада России являются очень редкой находкой. В то же время сковородки хорошо известны на славянских памятниках второй половины I тыс. н. э. лесостепной зоны Восточной Европы. Встречены глиняные сковородки и на некоторых памятниках VIII-X вв. Белоруссии и юга Псковской области (Полоцк, Витебск, Лукомль, поселение на р. Менке, Городок на Ловати, селище Борисоглеб), а также на Гнездовском поселении

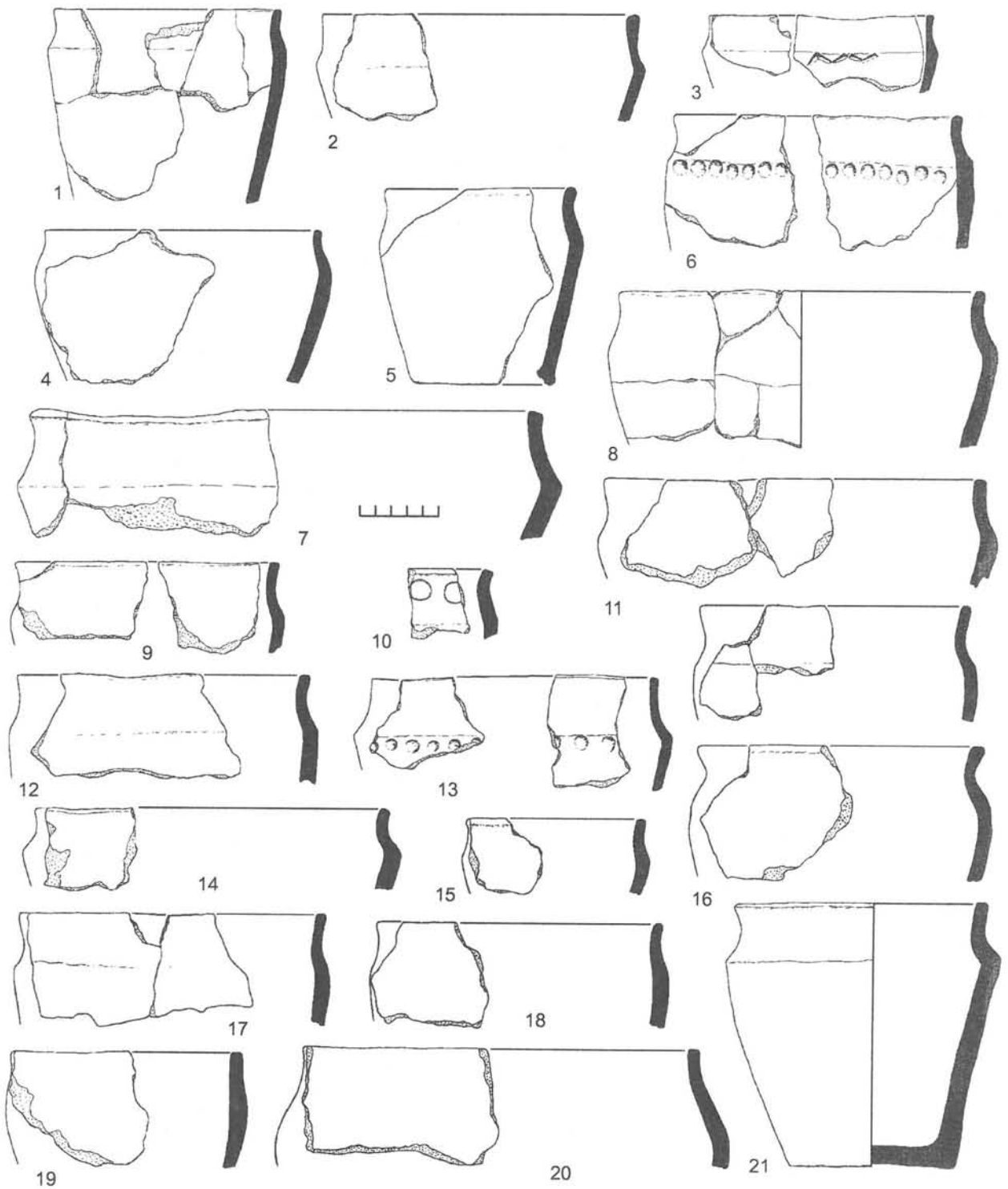

Рис. 5. Новгород. Лепная посуда из Троицкого раскопа (1—20) и раскопок в южной части Кремля (21).

Fig. 5. Novgorod. Handmade pottery from the Troitsky excavation area (1—20) and excavations in the southern part of the Kremlin (21).

(Штыхов 1978: 67, 109; рис. 26: 1, 2; Александров 1988: 22; Пушкина 1973: 91).

Рассматривая керамический комплекс поселений Северного Приильмения, отметим следующее обстоятельство. При исследовании материальной культуры Рюрикавого городища было обнаружено сильное североевропейское влияние, которое проявляется в присутствии

большого числа вещей скандинавского происхождения, а также вещей, хотя и сделанных в Приильмении, но сохраняющих северные традиции в стиле и орнаментике. Однако, на Рюриковом городище почти не обнаружено керамики, характерной для древностей викингов. Исключение составляют найденные на памятнике фрагменты нескольких сосудов с прямы-

ми или загнутыми внутрь венчиками (рис. 4: 20—22). По свидетельству Дагмар Селлинг, подобная посуда характерна для памятников раннего средневековья Швеции (подгруппы А IV: 3a1 и А IV:4a), причем истоки этих форм прослежены в более ранних скандинавских материалах (Selling 1955: 167—174; 196—201; Taf. 47—49; 63: 1, 2, 8). Однако, безоговорочно признать встреченные на Городище сосуды скандинавскими мешает распространенность горшков подобных форм на памятниках поволжских финно-угров. Отсутствие значительного числа североευропейской посуды характерно не только для Рюрикова городища, но и для других памятников Северной Руси, на которых имеются свидетельства присутствия викингов. Этот факт можно объяснить целым рядом причин, главными из которых являются, по-видимому, приготовление скандинавами пищи в металлических котлах и использование ими изделий местных гончаров. Последнее находит подтверждение в материалах могильника в урочище Плакун, расположенного близ Старой Ладogi. Курганы этого некрополя IX—X вв., по особенностям погребальной обрядности, а именно: сожжению в ладьях, погребению в камере, порче и особому расположению оружия, исследователи относят к памятникам, оставленным выходцами из Скандинавии. Однако, предположить «северное» происхождение можно только для одного из пяти сохранившихся лепных сосудов (Назаренко 1985: рис. 7: 2).

Среди обломков лепных сосудов Рюрикова городища, главным образом от грубых неорнаментированных плоскодонных кухонных горшков, выделяются фрагменты пяти лощенных мисок (рис. 4: 23—27), найденных при раскопках различных частей памятника.

Миски имеют вогнутый бортик и уплощенный венчик. Переход от бортика к нижней части тулова выражен ребром. Толщина стенок в верхней части миски больше, чем в нижней. Диаметр венчика от 12 до 16 см. Высота единственной целой миски 8,5 см. Дно округлое. В середине днища имеется углубление диаметром около 3 см. В составе глиняного теста содержится мелкая дрсва или крупный песок. Структура черепка плотная. Поверхность подлощенная или лощеная. Цвет посуды темно-серый или черный. Все сосуды украшены прорисованными прямыми или образующими углы линиями (зигзаг) по бортику. Три миски имеют также небольшой горизонтальный валик, образованный при формовке сосудов.

Обломки мисок, встреченные в разных частях городища, очень схожи друг с другом, и можно уверенно говорить об их едином происхождении и датировке. Фрагменты двух лощенных сосудов были найдены в черном гумусированной слое мысовой части памятника.

Это позволяет отнести время их бытования к X в., причем, скорее к первой его половине.

Миски не являются традиционной формой лепной посуды населения Приильменья и Поволжья в конце I тыс. н. э., и аналогии этому виду столовой посуды на памятниках этого региона не известны. В многотысячной керамической коллекции Старой Ладogi имеется всего один фрагмент лощеной миски, но он отличается по профилировке и орнаментации от сосудов Рюрикова городища.

За пределами Новгородской земли округлодонные миски широко представлены в древностях центральной Швеции, юго-западной Финляндии и Эстонии.

При изучении средневековой керамики Швеции Дагмар Селлинг выделила округлодонные миски в подтип АIII: 1a (Selling 1955: 141). Ряд сосудов этого подтипа близок по профилировке и орнаментации посуде Рюрикова городища (Selling 1955: Taf. 36: 2, 4, 5; 37: 3—5, 8; 38: 1, 4). Однако, для Швеции подобная керамика является чужеродной. Дагмар Селлинг объясняет появление округлодонных мисок, как и других сосудов группы АIII, контактами Швеции с областями восточной Балтики (Selling 1955: 150—155).

На памятниках эпохи викингов юго-западной Финляндии встречены разнообразные округлодонные сосуды. Среди них имеются и миски, аналогичные по форме отмеченным на Рюриковом городище (Lehtosalo-Hilander 1982: Fig. 22: 1). Однако, судя по материалам ряда могильников эпохи викингов этого региона, наиболее характерным для местной посуды является шнуровой орнамент. Он имеется на 60—71% сосудов, тогда как волнистыми линиями (включая, как собственно волну, так и зигзаг) украшены 17—25% (Lehtosalo-Hilander 1982: 84). Практически не представлены в могильниках Финляндии и сосуды, украшенные валиком.

Подлощенные миски и чашеобразные сосуды представлены в керамических коллекциях, происходящих с памятников юго-восточной Эстонии (Аун 1992: 48, 49) и некоторых поселений нижнего течения р. Великой — Псковское городище, Камно (Белецкий 1977: 92, 92; Белецкий 1983: 52; Седов 1978: 66). Подавляющее большинство сосудов этого региона не имеет орнамента. Лишь немногие из них украшены в верхней части, причем самым распространенным видом орнамента является ямочный. Сосудов с волнистым и линейным орнаментами найдено гораздо меньше, только некоторые изделия декорированы валиком (Аун 1992: 49—51).

Наиболее близкие аналогии мискам Рюрикова городища по орнаменту дают памятники северной Эстонии. Так, на поселении Иру, где лощеная и подлощенная керамика составляет более половины всех обломков посуды, горизонтальные линии и зигзаг составляют от

68,2% до 85,6% орнаментации (Lang 1985: 196—206; tab. 2, 5). Широко на этом памятнике представлены сосуды, украшенные валиком. Его наличие явилось основным признаком для выделения третьего типа, самого многочисленного среди лощеной и подлощенной керамики городища и селища Иру (Lang 1985: 196, 201—205; tab. 3, 4). Сосуды с подобной орнаментацией встречены также на городище Асва (Lxugas 1967: Joop. 5: 1, 3, 4, 6), поселениях Пада (Тамла 1983: 304; табл. XIII), Линнусе (Янитс 1979: 380, табл. IX: 1—4), Олуствере (Лави, Соколовский, Соколовский 1983: 31, табл. XXV: 3), среди находок из каменного могильника в Тоила (Schmiedehelm 1973: Abb: 4). В то же время, как считает эстонский исследователь В. Ланг, ребристая форма сосудов не характерна для керамики эпохи викингов Северной Эстонии, где она встречается лишь в единичных случаях (Ланг 1992: 82).

Таким образом, на Рюриковом городище имеются фрагменты мисок, несомненно связанных с древностями прибалтийских финнов. Более точно определить в настоящее время происхождение данных сосудов, по-видимому, невозможно. По орнаментации наиболее близкие материалы имеются в Северной Эстонии, тогда как по форме миски более характерны для памятников юго-западной Финляндии. Вполне возможно и изготовление этих сосудов на Городище приезжим гончаром. В пользу такого заключения говорит результат исследования состава глиняного теста.

Коллекция лепной посуды из древнейших слоев Новгорода пока не очень представительная. Изучение лепной посуды, встреченной на площади Неревского раскопа Новгорода показало, что основную часть посуды составляют горшки средних размеров, с четко выраженными плечиками, часто ребрами при переходе от горла к конически сужающемуся тулову

(Смирнова 1976: 4—7, 9; рис. 2, 3; Смирнова 1978: 165, рис. 1). Представлены подобные горшки, хотя и в несколько меньшем количестве, и при раскопках на территории Людиного конца. Сравнение по структуре, орнаментации, набору форм керамического комплекса Новгорода с материалами Рюрикова городища показывает их значительное сходство.

Таким образом, исследование керамики поселений Северного Приильмья конца I тыс. н. э. показало, что основой керамического набора этих памятников являются грубые кухонные горшки, а остальные формы посуды немногочисленны. Эта особенность, свойственная синхронным древностям других славянских регионов, обусловлена широким распространением посуды из органических материалов и спецификой приготовления пищи в печах.

Своеобразный облик керамическому комплексу этого района придает присутствие значительного числа сосудов с четко выраженным изломом, часто ребром, при переходе от плечика к нижней части туловища, так называемых горшков «ладожского типа». Происхождение этого типа посуды остается дискуссионным. «Ребристые» сосуды, появившись в VIII в. в Нижнем Поволжье, в дальнейшем становятся характерными для поселений Северного, отчасти Западного и Восточного Приильмья. Эта территория представляет собой центральную и древнейшую часть Новгородской земли, и следует признать, что для конца I тыс. н. э. данный тип посуды присущ приильменским славянам.

Керамические находки позволяют проследить не только связи населения Верхнего Поволжья с соседними территориями, вошедшими в дальнейшее в состав Древнерусского государства, но и его контакты с народами балтийского региона.

Александров, А. А. 1988. Работы на селище в Борисоглебе // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 19—22. Новгород.

Аун, М. 1992. Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.

Белецкий, С. В. 1977. Керамика городища Камно Псковской области // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 150: 92—95.

1983. Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова: 46—80. Москва.

Бобринский, А. А. 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва.

Гайдуков П. Г., П. Д. Малыгин. 1990. Керамика X в. Троицкого VIII раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология 3: 64—66. Новгород.

Горюнова, В. М. 1991. Начальная история древних Лук (X—начала XI в.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.: 38—67. Москва.

Давидов, О. И. 1994. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги (из коллекции Государственного Эрмитажа) // Петербургский археологический вестник 9: 156—167.

Енуков, В. В. 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). Москва.

Исланова, И. В. 1986. Сопки бассейна Мологи и верхней Мсты // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 187: 65—75.

1991. Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий: 44—55. Тверь.

1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. Москва.

Колчин, Б. А. 1968. Новгородские Древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников. Е1—55. Москва.

Каменецкая, Е. В. 1998. Керамика Гнездова как показатель торговых и этнических контактов // Историческая Археология. Традиции и перспективы: 124—134. Москва.

Конецкий, В. Я. 1991. Комплекс памятников у д. Нестеровичи (к вопросу о сложении локальных центров конца I—начала II тыс. в бассейне р. Мсты) // Мате-

- риалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. 89—116. Москва.
1992. Исследования селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 16—21. Новгород.
- Концевский, В. Я., Е. Н. Носов.* 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности 3: 29—54. Санкт-Петербург.
- Кузьмин, С. Л.* 1994. Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города: 61—64. Санкт-Петербург.
- Лави, А., В. Соколовский, М. Соколовский.* 1983. Исследования 1981—1982 гг. в Олуствере // Известия АН ЭССР. Общественные науки 32/4: 314—319.
- Ланг, В.* 1992. О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // Древности славян и финно-угров: 80—85. Санкт-Петербург.
- Ляданский, А. Н.* 1930. Археологические доследы вадазборах рр. Сожа, Днепра і Касплі Смаленскай губэрні // Працы археалагічнай камісіі II: 269—338. Минск.
- Макаров, Н. А.* 1989. Лепная керамика Восточного Прионежья IX—XII вв. // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 196: 83—93.
- Назаренко, В. А.* 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 156—169. Москва.
- Носов, Е. Н.* 1976. Поселение у волховских порогов // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 146: 76—81.
1990. Новгородское (Рюриково) городище. Ленинград: Наука.
- Носов, Е. Н., А. В. Плохов.* 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г.: 117—149. Москва.
1997. Холопий городок на Волкове // Древности Поволжья: 129—152. Санкт-Петербург.
- Орлов, С. Н.* 1956. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладоге // Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР 65: 94—98.
1972. Славянское поселение на берегу реки Прость около Новгорода // Советская археология 2: 127—138.
- Орлов, С. Н., М. М. Аксенов.* 1961. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // Новгородский исторический сборник 10: 161—168.
- Петренко, В. П.* 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. Санкт-Петербург.
- Петренко, В. П., Т. Б. Шитова.* 1985. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: 181—191. Ленинград.
- Плохов, А. В.* 1992. Лепная керамика центрального Приильменья и славянское поселение (к постановке проблемы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: 119—124. Новгород.
1995. Об одном редком типе лепной посуды Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология 9: 101—105. Новгород.
- Пушкина, Т. А.* 1973. Лепная керамика Гнездовского селища // Вестник МГУ. История 3: 87—92.
- Седов, В. В.* 1970. Новгородские сопки // Свод археологических источников EI-8. Москва.
1978. Лепная керамика Изборского городища // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 155: 63—67.
1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. Москва.
- Седых, В. Н.* 1982. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки): 192—197. Ленинград: Наука.
- Смирнова, Г. П.* 1976. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 146: 3—10.
1978. К вопросу о датировке древнего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне: 165—171. Москва.
- Спирidonov, A. M.* 1986. Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР 187: 23—28.
- Станкевич, Я. В.* 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // Советская археология XIV: 187—216.
1951. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // Советская археология XV: 219—246.
- Тамла, Т.* 1983. Селище в Пала // Известия АН ЭССР. Общественные науки 32/4: 302—306.
- Штыхов, Г. В.* 1978. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск.
- Янитс, К.* 1979. Об исследовании поселения эпохи железа у д. Линнузе вблизи Кунде // Известия АН ЭССР. Общественные науки 28/4: 380—381.
- Lang, V.* 1985. Iru Linnuse peenkeramika V—X sajandil // Известия АН ЭССР. Общественные науки 34/2: 193—209.
1999. Ühe savinutüübi ajalooost Loode-Eestis // Muinasaja teadus. I. Arheoloogiline kogumik. Toimetanud L. Jaanits ja V. Lang. Lk. 45—65. Tallinn.
- Lehtosalo-Hilander, P. L.* 1982. Luistari II. The Artefacts // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Vol. 82: 2. Helsinki.
- Losinski, W., B. Rogosz.* 1986. Metody synchronizacji warstw kulturowych wczesnosredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnosredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Studia i materiały: 9—50. Warszawa.
- Lxugas, V.* 1967. Asva linnuse dateerimisest // Известия АН ЭССР. Общественные науки XVI/1: 81—93.
- Schuldt, E.* 1956. Die slawische Keramik in Mecklenburg // Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte 5.
- Selling, D.* 1955. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.
- Smhmedehelm, M.* 1973. Mitteleisenzeitliche Funde aus dem Steingrab von Toila in Nordostestland // Homos Ella Kivikoski. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 75: 187—196. Helsinki.

HANDMADE POTTERY FROM RYURIK GORODISHCHE AND NOVGOROD

A. V. PLOKHOV

This article deals with handmade ware from central sites of the Novgorodian Land of the end of the 1st mil. A. D. Studies showed that the pot-

tery assemblage from these sites is based on rough cooking pots, the other forms being relatively few. This feature, peculiar also to synchro-

nous antiquities in other Slavic regions, is called forth by the spread of ware made of organic materials and the specificity of cooking in ovens.

A distinctive peculiarity of the ceramic assemblage from the region under study is imparted by the presence of a considerable number of vessels having a very sharp bend, or often a carination, in the area of transition from the shoulder to the lower body — the so-called pots of the «Ladoga type». The origin of this type ware remains debatable. The «carinated» vessels having appeared in the 8th century on the lower Volkhov, later on

became typical to settlements in the northern (and partly western and eastern) Ilmen regions. This territory is the oldest and the very central part of the Novgorodian Land; one must therefore admit that this type of ware is peculiar to the Ilmen Slavs.

Pottery finds, their shapes and decorations enable us not only to trace the links of the population of the upper Volkhov with the neighbouring lands which later made part of the ancient Russian state, but also to study contacts of this population with peoples of the Baltic region.